

Научная статья

УДК 821.161.1-3“1941/1945” + 94(470.5) + 502(470.5) + 7.036(470.5)

DOI 10.15826/izv1.2023.29.2.023

ЛЮДИ И ПРИРОДА УРАЛА: ВАРИАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Татьяна Александровна Снигирева

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

tas0905@rambler.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

Институт истории и археологии УрО РАН,

Екатеринбург, Россия

А н н о т а ц и я. Предпринятое исследование сосредоточено на выявлении и анализе двух смысловых блоков, литературно репрезентирующих Урал в годы войны: уральский характер и природа Урала. Материалом исследования стали разножанровые произведения (от документального очерка до стихотворной публицистики). Показано, что представление об уральском характере как характере весьма своеобразном складывается прежде всего благодаря стороннему взгляду: командированных журналистов на Урал с целью освещения трудового подвига тыла, который сродни воинскому, и писателей, оказавшихся на Урале в результате эвакуации. Различие оптики позволило создать сложный образ уральцев: солдат сказочного мужества и мастеров высокой культуры труда, с одной стороны, народа замкнутого, строгого, не всегда дружелюбного, с другой. Столь же неоднолинейно изображение природы Урала. В статье описаны два варианта, предложенные литераторами военных лет: полностью соответствующий нормам соцреалистического канона — могучие люди Урала рождены величественной природой и реалистический — Урал как место холода, мало приспособленное для жизни. В заключение подчеркнуто, что для всей литературы доминантным было убеждение в необходимости жить и работать в тех условиях, в которые ввергла народ война.

К л ю ч е в ы е с л о в а: литература военных лет; уральский характер; природа Урала; соцреалистический канон

PEOPLE AND NATURE OF THE URALS: VARIANTS OF REPRESENTATION IN THE WARTIME LITERATURE

Tatyana A. Snigireva

*Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia,
tas0905@rambler.ru,*

<https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS,
Ekaterinburg, Russia*

Abstract. The study is focused on identifying and analysis of the two conceptual blocks that literary represent the Urals in wartime: the Ural character and the Ural nature. The study material consists of works of different genres, from documentary essays to verse journalism. It is shown that the idea of the original Ural character is generally perceived by an independent view of journalists sent to the Urals to report labor feats at the home front (it is akin to the military feats), and writers stranded in the Urals as a result of the evacuation. Optical differences allowed the creation of a sophisticated image of the Ural people. On the one hand, these are soldiers of fabulous courage, and masters of high work culture, but on the other hand, these people are reserved, strict, and not always friendly. The representation of the Urals' nature is just as ambiguous. The article describes two variants offered by the writers of wartime. The first one fully meets the socialist realism canons: the mighty people of the Urals were born of a majestic nature, and this place is cold and barely adjusted to life. It is emphasized that the conviction of the necessity of living and working under the circumstances in which people found themselves during the wartime, was dominant regarding all literature.

Keywords: wartime literature; Ural character; Ural nature; socialistic realism canons

В годы Великой Отечественной войны возникает и закрепляется в общероссийском / советском общественном сознании особый статус Урала как региона — кузница Победы, места эвакуированных, а Свердловска — как города, ставшего столицей Урала, опорного края воюющей державы. Этот образ создается уже в первые месяцы войны благодаря публицистической и художественной прозе журналистов и писателей, командированных или эвакуированных на Урал. Основные темы сколь закономерны, столь и очевидны: трудовой героизм тыла сродни воинскому, Урал становится краем многонационального единства советского народа, испытание эвакуацией проходят как уехавшие от оккупации, так и принявшие обездоленных людей. Н. Ляшко, харьковчанин, литературную известность приобретший уже в Москве, во время войны жил в Свердловске. В эти годы он пишет рассказы, героями которых становятся эвакуированные на Урал с Украины люди, которые живы надеждой возвращения. Склоняясь над географической картой «каждый видит свое: кто Черное, кто Азовское море, кто Дон, Кубань или Днепр, или Донец, Кальмиус, Лугань, Миус, шахты Ирмино, Горловки, заводы Краматорска, Константиновки, Харькова, Мариуполя... У каждого в глазах реяло свое, родное» [Ляшко, с. 263]. В документально-публицистическом очерке

Льва Кассиль «За одним столом» (1942) главная героиня Александра Петровна Покосова принимает в свой небольшой дом дочь и внучку Фаню, успевших уйти из Минска (зять, Абрам Исаевич, ушел добровольцем на фронт), приехавшую из Днепропетровска сноху с сынишкой Тарасиком, подругу дочери крымскую татарку с четырехлетним Юсупиком, отец которого остался в партизанском отряде крымчан. Представление национальности дается не только обозначением географии и характерным именем, но и произношением детей: «Баба Шура», «Бэбэ Шурэ», «Бабо Шура». Для всех незнакомая женщина становится родной бабушкой. Л. Кассиль, будучи уже зрелым мастером, не убоился показать недобрый взгляд соседки: «Да уж больно у тебя они какие-то... на все фасоны. Тебе бы еще для полного подбора грузинца занять али с Азии киргизенка какого. Что это у вас за род такой, все племена перепутали» [Кассиль, с. 277]. В финале очерка визуальные этнические различия, могущие вызвать бытовые, а по сути — расистские реплики, снимаются общностью доброты и человечности, которая маркируется советскостью: «Ну, улеглись мои народы, — тихо говорит Александра Петровна и поправляет огромное цветастое лоскутное, похожее на громадную географическую карту, одеяло, под которым, уложенные поперек широченной кровати, ровно дышит украинец Тарасик, москвич Игорь, минчанка Фаня, сева-стопольцы Светлана и Юсуп» [Там же, с. 228–229]. Н. Асеев мысль о нерушимости единства советского народа провозглашает декларативно: «С русскими — / украинцы и белорусы / силы свои / приложили сюда. / Разноязыки, / народы берутся / единодушно / за дело труда!» [Асеев, с. 28]. Заметим, что для воплощения темы, позже лозунгово обозначенной как «формирования новой общности — советский народ», во время войны еще возможна не только плакатно-агитационная, но и доверительно-правдивая интонация.

В произведениях этого периода возникает еще одна особая тема, активно разрабатываемая авторами, видящими регион и город взглядом «со стороны», — Урал дает фронту воинов особого склада: сдержанных, немногословных и невероятно мужественных. В предисловии к рассказу «Уралец» (1943) Лев Славин замечает: «Главный герой моего рассказа — сборный образ фронтовиков-уральцев, которых я близко знал в дни боев на первом Белорусском и Волховском фронтах. При работе над рассказом пригодились и впечатления, и наблюдения, полученные в Свердловске, куда я был направлен редакцией для кратковременного отдыха в начале 1943 года» [Славин, с. 485]. В портрете героя Дениса Черторогова (впрочем, как и в его фамилии) подчеркнута его чуть ли не инфернальная непохожесть на всех: «...та же повелительная плавность движений, та же величаявая замкнутость лица. Посреди ослепительного волчьего оскала — та же темная пустота на месте зуба, вышибленного некогда кулачным приемом, который у них на Урале называется “салазки”» [Там же, с. 487]. Автор откровенно романтизирует образ, делает акцент на исключительность, особость — он другой, нежели обычные воины; дает прямую аллюзию к куперовским индейцам: Черторогов обладает иными знаниями и повадками, появляется молча из ниоткуда в самый напряженный момент, совершает подвиг, спасает всех и исчезает вновь. Л. Славин передает

обаяние брутальности: «Я тоже посмотрел на новобранца, и по его могучим рукам, спокойно сложенным на просторной груди, по надменному хладнокровию скуластого лица, по угрюмому блеску отваги в узких глазах я тотчас узнал бессмертную и неукротимую породу уральских гордецов» [Славин, с. 503]; настаивает на «особом роде уральского угрюмого азарта»: «Тот, кто видел в боях за Москву полки, составленные из уральцев, никогда не забудет молчаливой свирепости, с какой они шли в атаку и на штурмы. Их родичи, оставшиеся в тылу, перекачали свое яростное усердие в литье пушек и обточку снарядов» [Там же, с. 491]. Писатель предлагает объяснение необычности уральского солдата: суровая природа, «настраивающая» с рождения на преодоление трудностей, особый социальный уклад, специфика родословной, наконец, очевидная сила места рождения и воспитания одного из героев — озеро Шаркал, село Черемшаново: «Жители его издревле мастера в разных видах охоты: рыболовы, межвежатники, поимщики диких оленей. Все это народ видный: косая сажень в плечах, могучая грудная клетка, сапоги номер сорок пять. Из рода в род переходит здесь телесная мощь, сдержанность речи, угрюмый блеск чуть раскосых глаз и особая, чисто уральская гордость» [Там же, с. 489].

Один из самых популярных и любимых фильмов военных лет «Два бойца» (1943), снятый по повести Л. Славина «Мои земляки» режиссером Л. Луковым, с песнями в исполнении М. Бернеса («Темная ночь» и «Шаланды полные кефали»), поддержал и сделал устойчивым восприятие особого характера уральского воина, простого Саши с Уралмаша, верного в дружбе и неукротимого в бою. Ту же функцию создания образа Урала, но уже с точки зрения подвига тыла, выполнил фильм, также невероятно популярный, «Большая земля» (1943). Режиссер С. Герасимов писал киносценарий в ходе советско-финской войны, но перенес место действия на Урал, время — осень — зима 1941 г., кинематографический сюжет — эвакуация Ленинградского завода, столкновение / узнавание / диалог двух рабочих ментальностей — питерской и свердловской, быстрой, не без столичной самоуверенности и неторопливой, исполненной природного достоинства. Представлен и первый кинематографический образ уральской женщины, уралочки, красивой, сильной, не боящейся трудностей, верной, самоотверженной и неприступной (актриса Т. Макарова).

Во время войны Урал, что объяснимо и закономерно, преимущественно репрезентирован как своеобразный второй, трудовой, фронт, а его люди — герои и фронта, и тыла, люди особого склада характера и поведения. Возможно, доминирующую краску — патетическую — описания героев, трудового подвига уральцев задала М. Шагинян. Эвакуированная в Свердловск писательница работала корреспондентом от газеты «Правды» и активно публиковалась в региональных изданиях. Книга очерков «Урал в обороне» (1944) обнаруживает опыт очеркистики М. Шагинян тридцатых годов (установка на документализм), а также опыт производственных романов тех лет, но без элементов романа воспитания: характеры героев даны как уже сложившиеся, закаленные годами энтузиазма первых пятилеток, в случае с Уралом еще и историей промышленного края: «В Уральском

народе десятками поколений воспитывались старинные культурные навыки к заводскому труду» [Шагинян, с. 593]. Документальная фактографичность очерков непременно сопровождается попыткой обозначить, назвать и понять «уральскую упряминку», подчеркнуть даже особенность физического облика уральцев: «И жена его, повыше его ростом, молчаливая, суровая, как другие уральские жены, тоже не прочь была побаловаться ружьишкой в лесу» [Там же, с. 595]; «Николай Федорович Медведев — типичный коренной уралец. Это высокий черноволосый человек, худой и, как говорится, испитой — испил его в ранней молодости камень, когда он гранил хищным русским купцам изумруды» [Там же, с. 634]. Любопытно, что «душу Урала» Шагинян пытается понять и раскрыть через манеру поведения безусловного авторитета края — П. П. Бажова: «Часто вы встретите на улицах Свердловска, в палатах госпиталя, на ученых сессиях невысокого старика с дремуче белой бородой, с тихим, спокойным голосом, — ему всегда все необыкновенно радуются. Бойцы любят слушать его, и каждый рабочий на заводе знает, что он сказочник Урала, старый писатель Павел Петрович Бажов» [Там же, с. 639]. Образ уральского писателя подвергается очевидной идеализации, открыто сказочными становятся у писательницы и земляки автора «Малахитовой шкатулки»: «И разве не похожи на сказку дела и люди Урала, обещанья цехов и заводов выполнять столько, сколько раньше показалось бы им волшебством, — и эти волшебные обязательства выполнялись — тоже, как в сказке, словно людям приходила на помощь бажовская Хозяйка Медной горы» [Там же, с. 640]¹.

Вновь, как и в декларации крепости советского единства многонациональной страны перед лицом испытаний, в обрисовке личности людей Урала героико-утверждающая интонация становится доминирующей не только в очерках, что жанрово оправдано, но и в стихотворных вариантах публицистического толка:

Урал, Урал... Заводы... Шахты... Горы...
Страной железа видишься ты мне.
Твоя сыны, литейщики, шахтеры,
Себя, как дома, чувствуют в огне.
С рождения металлом окруженный,
Уралец — прирожденный металлист,

¹ Сам П. П. Бажов, возглавлявший Свердловскую областную писательскую организацию, невероятно много сделавший в годы войны для сохранения литературной жизни, да и просто для создания минимально сносных условий для писателей, как местных, так и эвакуированных на Урал (см. об этом воспоминания: *Барто А.* Записки детского поэта. М., 1976; *Рябинин Б.* Ушедшее — живущее... Книга воспоминаний. М., 1985; *Хоринская Е. Е.* Я вспоминаю... Екатеринбург, 2009), в сказах военных лет актуализировал тему, существовавшую в его творчестве и в тридцатые годы. Тему противостояния немецкого рационализма и русского интуитивизма, способности талантливого озарения в работе. На этом противопоставлении строится, например, сказ «Иванко Крылатко» (1942): «Ну, как — русский человек! Разве ему охота ниже немца ходить! Никогда этого не бывало!» [Бажов, с. 384]; «Присмотрелся к работе, а про себя думает — хорошо у немца конек выходит, только живым не пахнет» [Там же, с. 385]; «надо в чистоте от немца не отстать и выдумкой перешагнуть» [Там же]. Творчество П. П. Бажова военных лет системно исследовано, поэтому позволим ограничиться только этой репликой.

А значит, он и воин прирожденный,
И слесарь от рожденья, и танкист.
Пройдут года — над веком небывалым
Потомки совершат свой поздний суд.
Железо назовут они Уралом
И мужество Уралом назовут.

[Львов, с. 254]

Доминирующей, но не единственной. Писатели, эвакуированные на Урал, увидели и запечатлели не только силу уральского характера, но и его сложность. «Уральская гордость», «уральская упряминка» соседствует с мрачноватой замкнутостью, неулыбчатостью, угрюмой настороженностью. Герой рассказа Н. Ляшко «Яма и разутый “Битюг”» (1942) украинский металлург, приехавший с заводом на Урал, размышляет: «Здесь вам не Донбасс, здесь и погода не та, и люди не те... Никита Петрович запнулся и вспыхнул: пф, чего это он раскаркался? Урал не Донбасс, люди не те. А чем плохи здесь люди? Сразу не улыбаются и не обнимают тебя? И хорошо делают. Зато какие мастера! Какое чутье у них! <...> Ха, не сразу верят новому, неповоротливы... Есть грех, верно, от старинки не совсем отвыкли, но поворотливыми люди делаются не сразу» [Ляшко, с. 280–281]. Герою романа Ф. Панферова «Борьба за мир» (1945), скроенного по выхолощенной схеме производственного романа, все же позволено заметить: «Расхаживая по улицам, всматриваясь в крепко сколоченные избы, Николай Кораблев пытался заговаривать с жителями, но те или молча уходили от него, как бы не слыша вопроса, или скрывались в калитках, запирая их за собой. “Вот это народец”, — в досаде думал он» [Панферов, с. 391]. Еще несколько реплик авторов и их героев в произведениях тех лет, носителей стороннего взгляда на уральцев: «все это — плоды величественного и благородного труда уральцев, народа немного сумрачного, но лютого в работе и в бою» [Никулин, с. 315]; «Родионова немного удивляли не слишком разговорчивые, сумрачные на вид уральцы — сталевар из Златоуста, шахтер из Копейска. Он привык к легким в работе, подвижным и веселым парням, а это была какая-то особенная молодежь — основательная в своих суждениях, но немного медлительная. Но жаловаться на своих товарищей он не мог: каждый хорошо делал свое дело» [Там же, с. 338]; «А ведь по первому взгляду уралец может и не понравиться сумрачным стилем своего обхождения» [Славин, с. 491]. Через десятилетия после войны тяжести эвакуации А. Барто в какой-то степени объясняла не только житейскими сложностями, но и особенностями уральского характера: «Свердловчане преимущественно люди замкнутые, и эвакуированных они встречали сдержанно, не проявляя особых чувств. Чаще всего это было внешнее впечатление. Конечно, не каждый с готовностью раздвигал стены своего дома для чужих ему людей... Многие мне открыли слова пожилой, необщительной женщины, быт которой был нарушен поселившейся у ней семьей. Когда женщину спросили: не трудно ли ей приходится с приехавшими большими стариками, она сказала как бы вскользь: “Кругом горе, надо и мне пострадать”» [Барто, с. 136–137].

«Сплошные мытарства» (выражение Майи Плисецкой) военной эвакуации понятны: страх за родных и близких, часто незнание их судьбы, выброшенность из привычных условий в новый, не всегда понятный уклад жизни и отношений, наконец, вынужденное привыкание / приспособливание к непривычным климатическим условиям. На этом, по сути, конфликтном стыке — «край богатырей — край холода и голода» в литературе военных лет возникает образ природы Урала. Двойственность его мотивирована субъектной принадлежностью к местности: 1) командированные на Урал с конкретным заданием описания подвига в тылу; 2) эвакуированные на Урал, живущие определенное время в Свердловске, Перми, Челябинске, Магнитогорске; 3) коренные уральцы. И, конечно, приверженностью и принадлежностью к определенной художественной парадигме, в немалой степени в те годы обусловленной идеологическими, порой и сервильно-политическими установками автора.

В годы войны в литературе возникают два варианта образа уральской природы: полностью соответствующий нормам соцреалистического канона и реалистический или, воспользуемся метафорическим термином Н. Лейдермана, образ, возникающий «под маской соцреализма». Главенствует соцреалистический, акцентированно мифологизированный способ изображения уральской природы, укладывающийся в формулу «этот седой богатырь» (А. Сурков). Наиболее характерная логика изображения в произведениях официального дискурса — суровость жизни, суровость края, суровость природы не могут быть препятствием для подвига: «В труднейших условиях, в лютую уральскую стужу, люди возрождали к жизни эвакуированные заводы...» [Никулин, с. 307]. Способ обрисовки — открытая идеализация. Ф. Гладков, корреспондент «Правды» и «Известий» по Уралу, в повести «Опаленная душа» (1942) (в которой представлены все штампы официальной литературы военных лет в описании как фронта, так и Урала) устами своего героя, потомственного уральского металлиста, произносит: «Урал свой я люблю, как, к слову, дерево любит свое природное место; корнями врос в прекрасные свои горы, леса и светлые озера. Откровенно скажу, товарищи, Урал мой, край мой родной, красовался передо мной золотом, малахитом, самоцветами. Идешь утречком на завод — залюбуешься: радугой воздух переливается, душа ликует — не солнышко, а ливень финифтевый [Гладков, с. 140]. Неуклюжая имитация народного говора, да еще «переведенного» во внутреннюю речь, налицо. Более того, идя на работу, уральский рабочий волею автора мысленно упрекает уральского писателя, который, на его взгляд, недостаточно воспел природу своего края: «Много почтения природе оказывал Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Я лично не раз с ним в молодости моей беседовал. Но прямо скажу, не почувствовал он по-настоящему уральской природы. Скучная она у него какая-то, неприветливая, чужая, и он ей — как пасынок. Он к ней и так и эдак — не подпускает она его к себе, да и на!» [Там же, с. 141]. Л. Никулин во Вступлении к книге «Урал Южный» также предлагает восторженное описание красот Урала: «Трудно даже в нашей необъятной стране найти такое разнообразие пейзажей, такое гармоничное сочетание озер, горных краев, лесов и привольных степей»

[Никулин, с. 300]. Здесь уместно привести открыто ироническое замечание А. Твардовского: «Урал — край с заслуженно громким именем и край гордый, знающий себе цену. Он как-то дает об этом знать каждому, кто впервые знакомится с ним воочию, часто уже приготовленный к такому восприятию края. Может быть, поэтому у многих, пишущих об Урале, заметна склонность как-то подольститься к старику особо восторженной манерой описаний. Тут обычно и звезды уральского неба, конечно же, горят огнем прославленных уральских самоцветов; и заводские огни, которые подобны звездам; и воздух, которым почему-то особенно сладко дышится, несмотря на обилие угольной сажи...» [Твардовский, с. 424].

На фоне официального варианта изображения «могучей уральской природы» изображение ее суровости выглядит много реалистичнее. Так, важнейшей составляющей устойчивой мотивной структуры прозы В. Пановой, автора не только «Спутников», но и романа «Кружилиха»², посвященного жизни военного завода на Урале, является триединство «мороз — дорога — дом». Первое впечатление писательницы по приезду на Урал — холод: «Увы! Печально и неласково встретила нас станция Пермь-вторая обледеневшим вокзалом, морозным ветром, желтыми сосульками на вагонах, теснившихся на пути» [Панова, 1989, с. 470]; «Военные зимы были (или казались?) немилосердно, небывало лютыми. А ездить приходилось почему-то все зимой, тоже в условиях небывалых» [Там же, с. 483]. Холод и неустроенность — условия, в которых люди войны вынуждены работать и работают: «По гудку к проходным устремляются люди. Одни пришли пешком из поселка, другие приехали трамваем, большинство — поездами. Длинные поезда подвозят и подвозят людей к полустанку — из города, из пригородов. Только остановится поезд, народ высыпает из вагонов — и приливает, приливает толпами к проходным. Тулупы, ватники, кожанки, шинели, штатские пальто, меховые шубки. Платки, ушанки, шлемы-бушлаты, вязаные шапки» [Панова, 1972, с. 5–6]. Акцент на явно некрасивой, но приспособленной для сохранения тепла одежде — знак тотального неуютя. Замещение человека вещью, монотонность и даже некая обреченность движения толпы — знак превращения человека в производную от главного — работы во имя Победы.

Н. Ляшко, вполне «правоверный автор», в рассказе «Весна» (1943) позволяет себе показать прямой контраст между тем природным краем, в котором родился и вырос герой, и тем, в котором вынужден жить: «За воротами завода Ивашку Тарасюка опухло дыхание распускающихся ветел и как бы перенесло к родному Донцу. Он окинул глазами блистающее звездами небо и зажмурился: ух, здесь только сегодня как следует грело солнце, а дома уже отцвели яблони и вишни, вокруг хат летают майские жуки, зацветает белая акация, калина, шиповник, мальва» [Ляшко, с. 267]; «Нам на Урале не по душе... Тоже нашли место! Уже весна, а везде стоит грязища». Реальность разбивает миф: «Говорили, что здесь и горы, и леса, и луга, и вода, и приволье, а на поверку — один холод да грязь!» [Там же, с. 288]. Но, и это необходимо подчеркнуть, как бы ни изображался

² Об опыте работы В. Пановой «под маской соцреализма» см.: [Снигирева].

Урал — как край могучей величественной природы или как край холода, голода, грязи, всегда была мысль, дающая понимание необходимости жить и работать в тех условиях, в которые ввергла народ война. Это могло быть выражено плакатно, как у А. Караваевой в очерке «Огни» (1943): «Начинаются отроги Уральского хребта. Он всё все выше и выше, наш Урал, кузница великого фронта, батюшка Урал, железный хребет, страна мастеров могучего боевого металла...» [Караваева, с. 177]. Прагматично-рассудительно, как это сделал Ф. Панферов в романе «Борьба за мир» (1945), герой которого «понимал, что без местного, коренного жителя, привычного к особым климатическим условиям, вряд ли что сделаешь» [Панферов, с. 390]. Или трагически-убежденно в сталинских лагерях во время войны, где отбывал свой срок Б. Ручьев: «В мороз работая до пота, / с озноба мучась, как в огне, / здесь мы узнали, / что работа / равна отвагою войне» [Ручьев, с. 476].

-
- Асеев Н. Н.* Урал // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 3–19.
- Бажов П. П.* Малахитовая шкатулка. М., 1989.
- Барто А.* Записки детского поэта. М., 1976.
- Гладков Ф. В.* Опаленная душа // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 140–154.
- Караваева А. А.* Огни // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 172–207.
- Кассиль Л. А.* Рассказы // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 224–247.
- Львов М. Д.* Стихи // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 254–261.
- Ляшко Н. Н.* Рассказы // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 262–299.
- Никулин Л. В.* Урал Южный // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 300–347.
- Панова В.* Кружилиха. Спутники. Сережа. М., 1972.
- Панова В. Ф.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5 : Историческая и автобиографическая проза. Л., 1989.
- Панферов Ф. И.* Борьба за мир // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 386–411.
- Ручьев Б. А.* Стихи о далеких битвах // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 476.
- Рябинин Б.* Ушедшее — живущее... Книга воспоминаний. М., 1985.
- Славин Л. И.* Уралец // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 486–505.
- Снигирева Т. А.* Соцреалистический канон и реалистическое письмо: опыт Веры Пановой // Филол. класс. 2022. № 1 (т. 27). С. 147–153.
- Твардовский А. Т.* Проза. Статьи. Письма. М., 1974.
- Хоринская Е. Е.* Я вспоминаю... Екатеринбург, 2009.
- Шагинян М. С.* Урал в обороне // Урал грозный / сост. А. А. Золотов. Челябинск, 1982. С. 584–640.

Статья поступила в редакцию 02.04.2023 г.